

нравятся прогулки по Босфору, потому что мы ощущаем, что здесь, в сердце огромного, древнего, осиротевшего города, живёт свобода и сила глубокого, могучего и своенравного моря. Человек, быстро плывущий на пароходе по беспокойным водам Босфора, чувствует, как он наполняется силой моря. Босфор для меня – неиссякаемый источник добра, оптимизма, здоровья и хорошего самочувствия» [2:89].

12 октября 2006 г. Орхану Памуку была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: автору, «который в поисках меланхоличной души родного города нашёл новые символы для столкновения и переплетения культур» [3].

-
1. Восток, Запад и Россия (Круглый стол) // Вопросы философии. 1992. № 6.
 2. Памук О. Стамбул: город воспоминаний. М., 2006.
 3. Памук Орхан. Биография: сайт. URL: <http://www.aphorisme.ru/about-authors/pamuk/?q=3859>
 4. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М., 2012.

М. В. Лукашина

**Культурная политика Швейцарии:
исторические особенности и современность**

УДК 130.1

Вопрос разработки проблематики культурной политики находится в зоне повышенного интереса. Насколько эффективным инструментом формирования прочного национального самосознания и укрепления сплоченности нации является культурная политика, можно увидеть на примере Швейцарии. Швейцарский опыт высоко оценивается и внутри стра-

ны, и мировой общественностью. В статье подчеркивается, какую роль в этом играет квадролингвизм и, соответственно, мультикультурализм.

Ключевые слова: культурная политика, Швейцария, культурная идентичность, мультикультурализм.

M. V. Lukashina. Cultural policy in Switzerland: historical features and modern

The question concerning the development of cultural policy is the point of increased interest. The Switzerland example shows the cultural policy as an effective instrument in shaping strong national identity and cohesion of the nation. Swiss experience is highly valued as in the country, so in the world society. This article emphasizes the role which plays quadrolinguism and, accordingly, multiculturalism.

Key words: cultural policy, Switzerland, cultural identity, multiculturalism.

Когда мы говорим о культурной политике той или иной страны, должно быть понимание того, что у любого государства есть свое лицо, свой автопортрет, который оно само рисует для мирового сообщества. Это своего рода само-стереотипизация. И этот стереотип мы будем применять к каждому отдельно взятому гражданину этой страны. Именно человек предстает как некий олицетворенный, одушевленный срез культурной политики своего государства. Человек, воспитанный культурой своей страны, человек, влияющий на культуру своей страны, – он и есть субъект и объект культурной политики.

В отечественной литературе представлен целый спектр взглядов относительно сущности и целей культурной политики. Так, Л. К. Круглова обосновывает концепцию, согласно которой главной целью культурной политики является всемерное развитие сущностных сил человека. Такая цель способна стать основой для объединения всех субъектов культурной политики, в том числе и в глобальном масштабе [3].

Интересными представляются концептуальные основания культурной политики в работах О. Н. Астафьевой. В анализе теоретических основ культурной политики речь идет о происходящих изменениях, связанных с поиском новых форм культуры и подготовкой смены норм и стилей, иерархии ценностей, генерированием новых смы-

слов. Отмечаются вполне закономерные и регрессивные проявления – ослабление социокультурных функций традиций и «крушения» идеалов. Ссылаясь на П. А. Сорокина, Астафьева отмечает, что любая культура как внутренне интегрированная система, является автономным саморегулирующимся, самоуправляемым, «сбалансированным» единством. Соответственно, в переходные периоды культура, вбирающая в себя многообразие становящихся структурных подуровней, различных субкультур, обеспечивает им неограниченные возможности для саморазвития и при этом вырабатывает меру самоограничения для сохранения своей целостности. Мера самоограничения – это стремление к устойчивости, достигаемое путем реализации культурой защитных, регулирующих, коммуникативных и иных функций в социуме на основе признания людьми определенно ценностно-смысловых оснований, идеалов, норм и паттернов, обеспечивающих условия для совместного проживания людей и, соответственно, для воспроизводства культуры [1].

Все это множество подходов и концепций в научной исследовательской литературе в рамках разработки проблематики культурной политики говорит о том, что данный вопрос находится в зоне повышенного интереса. Однозначного определения здесь быть не может, так как входящие в это составное понятие категории «культура» и «политика» имеют сотни разных толкований в зависимости от подхода к исследуемому объекту. Однако надо сказать, что нам представляется наиболее полным то определение культурной политики, которое бы включало следующие аспекты:

1) в основе определения должно лежать понятие о культурной политике как о сложной системе взаимодействий государственной системы, а также разных сфер общественной жизни и культуры;

2) четкое понимание, что результатом «культурной политики» должно стать формирование «человека-своей-страны», иными словами, культурная политика должна формировать человека, который в данный конкретный исторический момент необходим своей стране;

3) понятие о том, какой инструментарий будет использоваться государственной властью на всех уровнях для достижения этой высо-

кой цели – возвращения «человека-своей-страны», гибкость, динамика и лабильность системы государственного управления.

Из сказанного выше следует, что именно культура в рамках «культурной политики» должна стоять во главе угла, и только потом менеджмент, то есть меры по организации культуры на государственном уровне. Смысловая трактовка основополагающего понятия культуры, закрепленная в том или ином государстве, составляет содержательную базу государственной культурной политики. Формирование духовных ценностей личности протекает на различных этапах, в различных сферах их жизнедеятельности. Важно осуществлять культурную политику с соблюдением преемственности, учитывающей то положительное, что уже было достигнуто в отношении духовного развития человека. Необходимо также знать, какие культурные ценности не получили развития или своего проявления, и что, следовательно, необходимо формировать, исходя из интересов общества [2].

Согласно одной из конвенций ЮНЕСКО, основой культурной политики должна стать разработка комплекса согласованных мер с целью вернуть культурным и человеческим ценностям их центральное место в экономическом и техническом развитии, чтобы дать соответствующие ответы на вопросы, которые ставит перед собой общество в третьем тысячелетии.

Насколько эффективным инструментом формирования прочного национального самосознания и укрепления сплоченности нации является культурная политика, можно увидеть на примере Швейцарии.

Представляется, что опыт Швейцарии в области культурной политики имеет большое значение для России в ее стремлении защитить и укрепить свою самобытность, не допустить размывания основ российской культуры.

Начать следует с объяснения, как и почему работает политическая интеграция разрозненных частей Швейцарии. Особенно следует подчеркнуть, какую роль в этом играет квадролингвизм и, соответственно, мультикультурализм. Несмотря на многочисленные внутренние напряжения в век национализма, несмотря на наличие в прошлом столетии двух мировых войн, усиливающуюся конфронтацию на почве языковой розни и этнической ненависти, Швейцарии остались не-

известны связанные с этим факторами разрозненность и упадничество. Это обусловлено не только конкретными условиями, в которых Швейцария развивалась, но и сложными институциональным аппаратом и политической культурой современного федеративного государства.

Рождение швейцарского квадролингвизма может быть точно датировано. Он берет свое начало с образования Республики Гельвеция (Helvetia) в 1798 г. Процесс же государственного образования, который начался гораздо раньше, имеет исключительно немецкое происхождение. Фактом является то, что конфедерация образовалась на перевале Готхард (Gotthard) в Позднем Средневековье и что образовавшийся могущественный кантон Берн проник глубоко в франкоязычные территории, которые никоим образом не противостояли этому. Эти области становились либо союзниками с меньшими правами, либо субъектными территориями – возможно, принадлежащими кантону, как это было в случае с франкоязычным кантоном Во, которым управлял кантон Берн. Остальные земли оставались «совместными владениями», права на которые распространялись на всех конфедератов, например, так было с кантонами Тичино и Аргау. Только тогда, когда французские революционные войска вошли в страну, принципы современной демократии восторжествовали над древней республиканской олигархией. Швейцария вступила в период политических потрясений, который длился в течение пятидесяти лет и закончился только с принятием актуальной и на сегодняшний день конституции в 1848 г.

Одной из особенностей швейцарского развития является то, что революционным принципам народного суверенитета и политического равенства не пришлось сражаться с божественным правом или институтом рабства. Конфедератам удавалось во многом сослаться на традиции старой конфедерации и республик, не обращая внимания на патрициев – повелителей старого режима.

Помимо схватки за политическое равенство и универсальное избирательное право, причиной раздора между силами революции и силами возрождения Швейцарии было освобождение союзников и субъектных территорий и содействие им в получении статуса суве-

ренных и равноправных кантонов, а также создание централизованной исполнительной власти.

Истинный конституирующий акт современной, многоязычной нации пришелся на ранние стадии наполовину доморощенной, наполовину навязанной революции: элита во франко- и италиязычных районах, протестуя против аннексии, соответственно, французской и Цизальпинской республики, приняла решение остаться в конфедерации. В частности, кантоны Тичино и Вале отказались следовать национальному принципу в пользу Швейцарии. Они считали, что, как суверенные и равные кантоны Швейцарии, они будут принимать участие в политической жизни в большей мере, чем они выступали бы как окраины однородного, гипер-централизованного национального государства. Демократическое самоуправление по-прежнему отличается от права на самоопределение, основанного на этнической принадлежности, которое появилось позже.

В войне *Sonderbund* (пер. с нем. «особый союз») радикальные и либеральные кантоны, одержав победу над клерикалами, которые стремились сохранить свои старые партикуляристские суверенитеты и привилегии и выступали против любого вида стандартизации, положили начало году революций в Европе. С создания своего современного федерального государства в 1848 г., Швейцария, как известно, завоевала себе место в авангарде демократического прогресса в Европе. Равный с немецким статус французского и итальянского в качестве национальных языков был конституционно признан после этой даты.

В первой половине девятнадцатого века этническое разнообразие состава Швейцарии играло незаметно малую политическую роль. И только после формирования итальянского и немецкого национального государства многоязычие стало выглядеть как неотъемлемый и почти священный атрибут Швейцарской конфедерации. В противовес силе этно-национализма, который активно проявлял себя во всей Европе, стали предприниматься попытки изобразить политику «нации по воле», то есть такую политику, согласно которой, превосходя язык и национальность, нужно было представить отсутствие «целостной на-

ции» как добродетель, как специфическую особенность, цивилизационную «миссию», вверенную Швейцарии.

Но что, вероятно, всегда было самым проблематичным в языково-этническом разнообразии Швейцарии – так это контрастное соотношение между большинством Алеманского диалекта и меньшинством французского. Меньшинство французского диалекта, естественно, находилось под огромным давлением, когда Германия и Франция воевали друг с другом. Необходимо понимать, что так же естественно для французской Швейцарии быть похожей на культурный и интеллектуальный Париж, как и для немецкой Швейцарии на Германию – хотя эта связь с Германией всегда была многогранной и всегда более напряженной, особенно в XX в. Четырехлетняя борьба между Германией и Францией после 1914 г. в опасной степени вскрыла «раскол» между франко- и немецкоговорящей Швейцарией, по крайней мере, в среде политической и военной элиты. По мнению многих историков, внутренний раскол во время Первой мировой войны, когда военная угроза в Швейцарии была не столь велика, представлялся неизмеримо более опасным, чем во второй, которая представляла для существования самую большую военную угрозу в истории.

Позднее под знаменами так называемой «интеллектуальной обороны страны» ретороманский был торжественно возведен в статус четвертого национального языка, что можно рассматривать как преднамеренную попытку Швейцарии дистанцироваться от этно-националистических течений. На ретороманском говорят только в кантоне Граубюнден, и он является одним из трех языков, используемых там, число официальных языков на государственном уровне было оставлено на уровне трех по практическим соображениям.

Однако важно равенство всех четырех языков в Швейцарии. Ответ на «Швейцарскую загадку», т. е. отсутствие межэтнической розни не лежит – как это часто утверждается в специальной литературе по вопросам национальных меньшинств и конфликтов – в исторически сложившихся отношениях между различными этно-национальными частями страны. В конституции не упоминается об автономии или какой-либо гарантии безопасности для того или иного меньшинства.

В самопрезентациях Швейцарии часто утверждается, что ей не нужны специальные положения в конституции по данному вопросу, потому что вопросы языка и меньшинств были решены до того, как они могли бы стать проблемой. Это указывает на реальный ключ к пониманию Швейцарии: к ее кантональному принципу.

К тому времени как Швейцария стала федеративным объединением независимых городов и горных кантонов, 23 суверенных кантона (26, если не считать шести полукантонов отдельно) сохранили чрезвычайно высокую степень суверенитета и независимости в качестве составных государств. И эта политическая идентификация продолжает быть актуальной вплоть до настоящего времени. Кантональный партикуляризм и идентичность, в любом случае, имеет большее значение, чем этническая принадлежность. Это относится ко всей Швейцарии в целом, но особенную важность приобретает в шести франкоязычных и многоязычных кантонах.

В обиходе существует поговорка, что исключение, которое подтверждает правило, это и есть закон. Так, в Швейцарии, стремление к отдельным кантонам сделало ненужным стратегию этно-национальной мобилизации. Потребовалась очень сложная процедура, с участием настоящего каскада плебисцитов на различных уровнях, перед тем как был, наконец, создан закон об отдельных кантонах.

Взаимоотношения между большинством, то есть немецкой Швейцарией и франко- и итало-говорящим меньшинством осуществляются не без напряженности. Несколько десятилетий назад из-за снижения ретороманского диалекта федерация была призвана принять некие языковые меры, связанные с сохранением швейцарского квадролингвизма. В 1980 г. попытка пересмотреть так называемый пункт о языке в федеральной конституции вызвал широкую дискуссию о текущих проблемах языка в Швейцарии. Они были рассмотрены с разных сторон комитетом экспертов, который пришел к выводу, что ретороманский находится буквально в предсмертной агонии, а итальянский язык также не находится в зоне безопасности. Кроме того, эксперты утверждают, что в связи с быстрым продвижением английского, а также *Mundartwelle* (т. е. волны новой лексики, проникающей в средства массовой информации, и в некоторой степени –

также в область письменного слова и в швейцарский диалект немецкого), отмечаются тенденции, которые ставят швейцарскую национальную идентичность под угрозу: четырехязычная Швейцария может с большой вероятностью стать двух-с-половиной язычной. Это может означать сокращение итальянского во внутреннем использовании, наряду с немецким и французским языками, или перспективу английского языка стать связующим между швейцарцами разных языковых групп. А самое главное, это может привести к крушению первооснов построения Швейцарской культурной идентичности, чему и призвана противостоять культурная политики Швейцарии.

Ее наиболее важными исторически сложившимися стимулами и ориентирами являются следующие:

- отказ от разделения по принципу этнического большинства и меньшинства: такое разделение ставит почти каждую группу (вне зависимости от состава) в меньшинство в процессе принятия общих политических решений. Кроме того, это создает давление при внедрении неких гибких компромиссов между различными коалициями и естественным образом вызывает ожидания того, что большинство – которое может при случае оказаться заинтересованной стороной – примет другую политическую сторону;
- сравнительно хорошо развитая форма федерализма, которая гарантирует высокую степень индивидуального самоуправления и демократического участия, что ослабляет давление национального принципа, особенно когда соседние государства имеют чрезвычайно централизованную структуру;
- многочисленные формы непропорциональной и активной экономической и культурной поддержки меньшинств в качестве способа обеспечения их интеграции.

Швейцарская демократия, основанная на согласовании, отличается не только от Вестминстерской модели парламентского права, но и от многих других в силу своей обширности и множества используемых инструментов прямой демократии. То, каким образом федеральное государство появилось на свет, федералистские учреждения, а также ограничения согласованности демократии, породили политиче-

скую культуру, которая в решении возникающих вопросов направлена на разделение власти. Это сформулировано не только в территориальных, религиозных и этнических различиях, но и находит отражение в балансе сил между кантонами, федерацией, правительством и народом, которые направлены на компромисс и коалицию, и социальные переговоры – что засвидетельствовано в коллективных трудовых соглашениях, например в часовой промышленности.

Принцип территориальности, который определяет пределы языковой свободы в Швейцарии, является одним из основных методов, посредством которого была сохранена языковая гармония. Но, как показала дискуссия о пересмотре пункта конституции о языке, – это не панацея от всех бед. Там, где выживание меньшинств находится под угрозой, принцип территориальности должен быть применен на гибкой основе.

Следует отметить, что культивирование исторически сложившегося кантонального партикуляризма в лице национальной тенденции к стандартизации вынудили швейцарцев с самого начала искать компромиссы и поддерживать либеральную и терпимую позицию. Одним из аспектов этого является текущий и сложный опыт, известный каждому швейцарскому ребенку, – это понимание, что люди, которые, хотя и имеют лингвистические различия, безусловно, также являются частью общего мира, и поэтому с ними нужно считаться.

Швейцарский опыт высоко оценивается и внутри страны, и мировой общественностью. Так, председатель культурного фонда Швейцарии Пий Кнюзель подчеркивает: «Швейцария не имеет ни однородной национальной культуры, ни четкой национальной идентичности. Общая культура – это вопрос постоянного усилия. Чтобы сохранить культурное разнообразие нашей страны в живых, под общей крышей, основными аспектами должны явиться меры по развитию понимания и солидарности между различными языковыми регионами и культурами Швейцарии. Соответственно, культурные проекты особенно полезны, чтобы вести открытый диалог, разумно организовывать встречи для укрепления взаимного уважения. В этом смысле культура понимается как укрепление сплоченности в стране за счет четко определенных проектов обмена традициями» [7].

Это подчеркивают и слова известного британского политолога Хью Сетона-Уотсона: «Швейцарский пример показывает, что у языковых и религиозных групп существует возможность развиваться вместе в одну нацию, без разрушения чьей-либо индивидуальной культуры. Невозможно другим народам принять или переделать как географическое положение, так и исторический опыт швейцарцев, но другие народы, как новые, так и старые, могут научиться у них» [6].

Однако у культурной политики Швейцарии есть критики. Немецкий исследователь, доктор философии Бруно Шох, известный ученый, политолог, высказывался достаточно жестко относительно культурной политики Швейцарии. Он говорит о том, что Швейцария создала вокруг себя миф о единстве и заставила всех остальных в него поверить. Приводит актуальные на сегодняшний день аргументы относительно отказа Швейцарии вступать в Евросоюз. Он видит в этом некую опасность для остальной Европы [4].

Представляется уязвимым для критики то обстоятельство, что в Швейцарии существует с недавнего времени запрет на строительство минаретов. Кальвинистическая Швейцария боится исламизации и выступает резко против празднования исламских праздников. Тем не менее число иммигрантов из исламских стран растет, а вместе с этим увеличивается количество районов «мусульманского гетто», где законы Швейцарии зачастую перестают действовать. Но это проблема не отдельно взятой страны. Это вопрос глобального масштаба, о которой говорят не только в Швейцарии, но и во всей Европе, а так же в Америке и Австралии.

Отрывок «Послания о финансировании «Pro Helvetia» на период 2000–2003 годы» (от федерального правительства в парламент) отражает следующие моменты понимания культуры: существует разграничение трех основных уровней понимания культуры. Это разграничение взято за основу в построении культурной политики. Первый уровень – понимание культуры в смысле цивилизации (ее отличие от природы), второй уровень – понимание культуры в самом широком смысле (культура позволяет человеку понять себя и свое окружение: этот уровень также включает в себя науку и научные исследования, образование и искусство, сбор и сохранение традиций, усилия по раз-

витию культуры широких слоев населения и т. д.) и, наконец, третий уровень культуры в узком смысле (искусство и учреждения, которые в контексте второго уровня понимания культуры пытаются обосновать основные культурные тенденции).

В ходе обсуждения нового федерального закона о развитии культуры, который был принят в конце 2009 г. и вступил в силу в январе 2012 г., были разработаны несколько описаний целей и задач культурной политики. Так, например, статья 3 нового Закона упоминает следующие цели и задачи: «...а) укрепление единства и культурного разнообразия Швейцарии; б) в целях содействия обогащению разнообразным и качественно выдающимся спектром культурных мероприятий и предложений; в) создание благоприятных условий для работников культуры и учреждений культуры; г) облегчение доступа населения Швейцарии к культурным ценностям; е) широкая огласка и распространение швейцарской культурной деятельности за рубежом». Статья 8 устанавливает следующие приоритеты: «Конфедерация в первую очередь осуществляет поддержку проектов, направленных на: а) предоставление населению доступа к культуре или к тому, что облегчит доступ к ней, и б) внесение особого вклада в сохранение и развитие культурного и/или лингвистического разнообразия» [5].

Эти цели и задачи соответствуют целям Совета Европы, который постулирует, в том числе, развитие личности, творчества, разнообразия и доступа к культурной жизни.

Подводя итоги, можно отметить, что культурная политика Швейцарии как целенаправленная деятельность государства по сохранению и защите национальной культуры является приоритетом, имеющим свое начало в глубине истории страны и сохранившим преемственность на протяжении веков.

Возвращаясь к началу статьи и тем основам, на которых должно базироваться определение «культурной политики», хочется отметить, что оптимальная культурная политика ставит в центр человека и развитие всех его сущностных сил. Дискуссии и исследования данной предметной области являются актуальными и должны быть продолжены. Представляется, что культурная политика Швейцарии может

служить наглядным и убедительным примером для стран, которые беспокоятся о своей духовной независимости.

1. Астафьева О. А. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике: сайт. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Astaphyeva2.htm>. (дата обращения 05.01 2013).

2. Балакшин А. С. Культурная политика: теория и методология исследования: монография. Н. Новгород, 2004.

3. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Альманах Российского науч.-обр. культурологического общества «Мир культуры и культурология». Санкт-Петербург, 2011. Выпуск I. С. 31–35 .

4. Bruno Schoch Switzerland – A Model for Solving Nationality Conflicts, PRIF-Report No. 54/2000 © Peace Research Institute Frankfurt (PRIF).

5. Confoederatio Helvetica: Dokumentation: сайт. URL: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/44.html> (12.05.2012) (Die Bundesbehördender Schweizerischen Eidgenossenschaft.)

6. Hugh Seton-Watson, Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism (London: Methuen, 1977).

7. Pius Knusel, Wenn Kulturmanagement Kulturpolitik ersetzt // Jahrbuch für Kulturmanagement, 2011.

И. Г. Конова

Песня как способ презентации картины мира (на примере текстов авторской (бардовской) песни)

УДК 008

В статье рассматривается понятие «картина мира» и песня как источник культурологического изучения способа презентации картины мира. Рассматриваются несколько способов презентации картины мира